

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ПОЗНАНИЕ

Философское измерение

РАСШИРЕНИЕ КОГНИТИВНОГО И ВОПРОС О СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

О.Е. СТОЛЯРОВА

Формирование новой дисциплины – это как раз тот случай, когда «контекст открытия» может рассказать не меньше, если не больше «контекста обоснования». В особенности, если речь идет о дисциплине, которая ставит перед собой задачу исследования смыслопорождающей роли познавательных контекстов.

Происхождение смысла из контекста – философская тривиальность, которая нуждается в уточнении. Смысл всегда происходит из чего-то от него отличного, пусть даже этим *иным* будет иной смысл, и именно это свойство новизны интересует теорию познания. Из тождества $A=A$ нельзя извлечь никакого познавательного материала, который мог бы стать предметом анализа. Поэтому контекст, который вводится в качестве сопровождающего, а не порождающего – нонсенс (исходное значение латинского *contextus* – связный, непрерывный; от *contexo* – соткать, сплести). Вопрос в том, что именно считать познавательным контекстом – чувственный опыт субъекта, мир объективного знания, он же «третий мир», постулированный Поппером, априорные структуры (трансцендентального) сознания, «глубинную грамматику языка», «коллективное бессознательное», «социальное устройство» и т.п. Можно также поставить вопрос о степени влияния контекста на смысл. Иногда смысл, как самая маленькая из матрешек, отыскивается внутри вписанных друг в друга контекстов, самый большой из которых, в соответствии с отношением объемов понятий друг к другу оказывается порождающим все прочие, включая искомое. Иногда контексты сохраняют относительную самостоятельность по отношению друг к другу, и, соответственно, искомое обнаруживается на «общей территории», на пересечениях «эмпирического» и «трансцендентального», «индивидуального» и «коллективного», «природного и культурного» и т.п. Например, И.Т. Касавин выделяет несколько типов контекстов в зависимости от теоретических задач той или иной дисциплины – контекст *понимания* оказывается чрезвычайно важным для немец-

коязычной герменевтики, близкий к первому контекст *речи* – для англоязычной аналитической традиции; аналитическая психология фиксирует внимание на контексте *поведения*, социальная антропология постулирует в качестве смыслопорождающего контекст *коммуникативной ситуации* и т.д.¹ Типология контекстов свидетельствует об обратном влиянии смысла на контекст, поскольку *искомое* той или иной дисциплины в значительной степени определяет ее интерес к среде, окружению объясняемого явления, заставляет увидеть именно те связи и отношения, которые подчеркивают собственную идентичность искомого. Поэтому вопрос, который ставит И.Т. Касавин, а именно – «сводим ли объясняемый феномен к совокупности контекстов?», он совершенно справедливо понимает как риторический². Взаимная дополнительность смысла и контекста обеспечивает философию работой, являясь тем «герменевтическим кругом», внутри которого только и можно поднять проблему знания.

Таким образом, теория познания *всегда* имеет дело с генетическим анализом знания, и следовательно, с порождающим его контекстом. Но что именно является для нее искомым?

Начиная с XVII в. теория познания становится теорией естественнонаучного познания в той его форме, какую последнее принимает в начале Нового времени, т.е. в форме экспериментально-математического естествознания. Как отмечают многие исследователи, в XVII в. проблема обоснования опытной науки выходит на первый план эпистемологии и остается в центре эпистемологического анализа как минимум до последней трети XIX – начала XX в., когда социогуманитарное знание постепенно начинает завоевывать внимание эпистемологов. Сфера когнитивного, ограниченная классическим естествознанием, долгое время была объясняемым феноменом эпистемологии, что не могло не сказаться на понимании контекста научной теории, условий ее формирования. Стандартная концепция науки принимает за такой контекст научную теорию. Теория порождает теорию, ментальное следует из ментального, «чистый» опыт возникает из «чистого» опыта. В этой конструкции контексту как *смыслопорождающему* вообще не находится места, контекстуализм ассоциируется с релятивизмом и объявляется врагом истины. Идея логической преемственности знания, однако, при всей ее привлекательности не может решить проблему новизны, приращения знания и, соответственно, его исторической изменчивости. Поэтому стандартную концепцию науки столь часто обвиняют в антиисторизме. На деле даже сторонники стандартной концепции науки, коль скоро они стремятся уйти от тавтологии «A=A», вынуждены принимать во внимание внетеоретические факторы разви-

тия научной теории, расширяя «контекст обоснования» до «контекста открытия», вынуждены учитывать фактор времени. Как показали оппоненты логического позитивизма Н.Р. Хэнсон, Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд, М. Полани, У.О. Куайн и др., принципиальная нереализуемость методологической программы *перевода* предложений науки в логику и термины наблюдения способствовала эволюции логического позитивизма в направлении прагматизма, инструментализма и конвенциализма³.

Интересно, что само развитие естественнонаучного знания опровергает «стандартную концепцию». Онтология, поставляемая классическим естествознанием, постулировала эквивалентность между прошлым и будущим и отождествляла науку с поиском вне-временных законов природы. И несмотря на то, что классическая эпистемология настаивала на собственной независимости от той или иной онтологии, ретроспективно ее зависимость от естественнонаучной онтологии весьма хорошо прослеживается⁴. Конфликт между «контекстом обоснования» и «контекстом открытия» обозначает пропасть между универсальным содержанием науки и субъективным человеческим опытом, лежащим вне природы. Аналогично неклассическое естествознание повлияло на эпистемологические концепции современности. Новые характеристики «физического» выводят последнее далеко за пределы «простого местоположения», которое, как писал А.-Н. Уайтхед, считалось основополагающей характеристикой «физического» в классическом естествознании. Еще в первой трети XX в. Уайтхед констатировал изменения «в языке физической науки — ... [переход] от материализма к “органическому реализму”», что выразилось в замещении понятия статичной материи понятием текучей энергии⁵, для которой временные свойства являются фундаментальными. Во второй половине XX в. эти изменения еще более углубились. Не только релятивистская космология, квантовая механика и термодинамика написали страницы новой онтологии. Кибернетика и развитие информационных технологий, био- и нанотехнологий, теория систем и пр. также способствовали изменению наших представлений о реальности и снятию жесткого противопоставления между «науками о природе» и «науками о духе» — и, соответственно, их объектами.

Эпистемологической импликацией новой онтологии можно считать реабилитацию контекста и тесно связанное с этим обращение теории познания к методологии социальных и гуманитарных наук, которое имеет место сегодня. Расширение когнитивного — от «объяснения» к «пониманию» определяет интерес эпистемологии к «контексту открытия» и ставит ее в непростую ситуацию саморефлексии, поскольку ее собственная методоло-

гия отныне превращается в объект вызова. Согласно новой повестке дня, само возникновение и существование неклассических эпистемологий должно оценивать с точки зрения взаимодополнительности смысла и контекста⁶.

Проанализировать «контекст открытия» неклассических эпистемологий можно на примере полемики, возникшей по поводу дисциплины, называющей себя *социальной эпистемологией*⁷. «Концептуальным ядром [социальной эпистемологии], – пишет И.Т. Касавин, – является тезис о социальной природе и социальной обусловленности познания»⁸. «Анализ понятия “контекст”, типология контекстов, связь многообразных контекстов с текстом и дискурсом... этот материал и получает философско-методологическое осмысление, в первую очередь, в социальной эпистемологии»⁹. Итак, социальная эпистемология не только не боится контекстуализма, но решительно обозначает контекст как социальный.

Социальная эпистемология, одно из многих неклассических направлений эпистемологии, возникла во второй половине XX в. на волне критики стандартной модели науки и научной рациональности и явила собой «антитему» классической эпистемологии. И хотя «классическая эпистемология» вряд ли может быть признана однородным направлением, ее критики постарались придать ей желаемую однородность, выделив те ключевые положения, против которых они выступили, а именно: 1) положение о том, что существует одно и только одно истинное знание («на самом деле» знание), и 2) о том, что существует один и только один метод его достижения (правильный метод). Социальные эпистемологи противопоставили этим двум принципам идею диахронического и синхронического методологического и содержательно-плюрализма науки, показав (на мой взгляд, убедительно), что за выбором той или иной теории стоят комплексные социальные, технические, психологические, культурные, экономические и пр. связи и отношения и что их нелинейное развитие «вклинивается» между когнитивным субъектом и исследуемым объектом и влияет на познавательный (в том числе, научный) результат.

Я не случайно назвала социальную эпистемологию «антитемой» классической эпистемологии. Термин «антитема» использует постпозитивистский историк и философ науки Дж. Холтон для описания изменчивости научных теорий, отсутствия в них строгой логической преемственности. По мнению Холтона, векторная логика развития не вполне соответствует реальной научной практике, в которой существуют разрывы¹⁰, или, если прибегнуть к понятию неравновесной термодинамики, «точки бифуркации» с заранее не заданным решением. Постичь некумулятивное разви-

тие науки помогает диалектическая модель с ее принципиальным вниманием к диалогу, в котором противопоставление позиций играет основополагающую роль. Хорошо известна критика К. Поппера в адрес диалектики, представленная в его программной статье «Что такое диалектика?»¹¹. Поппер интерпретирует диалектическое противоречие как «метод проб и ошибок», поскольку в духе логического позитивизма защищает линейный прогресс науки. По мнению Поппера, на теоретическом ристалище после битвы остается победитель, он же носитель истинного знания, а выбор между истиной и ложью гарантирован правильным методом. Однако это упрощенное понимание (и сам Поппер в других своих работах далеко вышел за его пределы¹²) едва ли отражает жизненное многообразие науки, а взаимное обогащение соперничающих теорий едва ли объясняет выбор в пользу той или иной научной теории. Расширение когнитивного — от образца рациональности Нового времени, классического естествознания, до неклассического естествознания, постулирующего сопряженность «природы» и «культуры» — приводит к тому, что «метод проб и ошибок, он же метод элиминации, перестает удовлетворять философию науки. Уничтожение противника уступает место диалогу как условию продуктивности развития мысли. «Сравнительная эпистемология» С. Тулмина, «тематический анализ» Дж. Холтона, «холизм» и «натурализованная эпистемология» У. Куайна, «теория языковых игр» Л. Витгенштейна и многие другие постпозитивистские проекты первой трети — середины XX в. восстанавливают смыслопорождающий контекст в его законных правах и расчищают дорогу социальной эпистемологии, которая во второй половине XX в. продолжает и развивает постпозитивистский контекстуализм.

Итак, какова же позиция социальной эпистемологии в конструировании знания о науке и, соответственно, о самой себе? Исходя из ее внутренней логики, именно поддержание режима диалога должно служить ей достаточным оправданием. Но что в таком случае может ответить она своим оппонентам?

Больше всего защитников классической эпистемологии беспокоит ключевой тезис социальной эпистемологии — о социальной природе и социальной обусловленности познания. В недавно развернувшейся на страницах журнала «Эпистемология & философия науки» полемике по поводу социальной эпистемологии¹³ Е.А. Мамчур выступила на стороне классической эпистемологии. Она полагает, что социальная эпистемология преувеличивает степень влияния *социального* на научный результат.

С точки зрения Е.А. Мамчур, влияние, для характеристики которого она прибегает к выражению «обусловленность» когнитивного социальным, заключается в том, чтобы вообще ни на что

существенное не влиять: конструктивным воздействием социального на научное познание будет тогда, когда в социальном найдут свое отражение, окажутся «схваченными» особенности познаваемого объекта, его «образ и сущность». Эта позиция, представленная и в отечественном, и в зарубежном вариантах¹⁴, по сути дела воспроизводит корреспондентную теорию истины, разве что на очную ставку с вневременной реальностью приглашается универсальный коллективный разум. Трудности такого подхода многократно вскрывались даже классической эпистемологией, ведь после Канта полагать, что воздействие («субъективного» на «объективное») состоит единственно в том, чтобы ни на что не воздействовать, уже не приходится.

Справедливости ради нужно сказать, что критики социальной эпистемологии идут на уступки социальному и допускают *взаимную дополнителность* социального и когнитивного, с чем, несомненно, согласились бы и социальные эпистемологи, однако, в интерпретации критиков социальной эпистемологии эта взаимная дополнителность больше похожа на существование в параллельных мирах. Если наука развивается рационально, – утверждает Е.А. Мамчур, то социальные факторы действуют всегда *наряду* с когнитивными (осуществляя это загадочное воздействие без воздействия?). Но стоит социальному вмешаться в когнитивное (Е.А. Мамчур называет такое вмешательство *детерминированностью* когнитивного социальным¹⁵), оно уничтожает когнитивное подобно тому, как случайное уничтожает необходимое. «Именно связь по типу синхронизации характерна для взаимоотношения между научными идеями и параллельными им интеллектуальными течениями той или иной эпохи»¹⁶.

Следовательно, нам не остается ничего другого, как объявить социальную эпистемологию нежизнеспособным гибридом: социальное измерение не просто избыточно, оно смертельно опасно для эпистемологии, так что особых шансов на успех, заключает Е.А. Мамчур, у этой дисциплины нет.

Конечно, можно было бы обратить внимание критиков социальной эпистемологии на «реальную научную практику», которая, вообще говоря, не ограничивается классическим естествознанием. Реальность социально-гуманитарных наук, данная нам в ощущениях, свидетельствует о том, что, невзирая на столь малые шансы на успех социальная эпистемология и родственные ей *Science Studies*¹⁷ начинают играть все более заметную роль на академической сцене: соответствующие кафедры и программы открыты и продолжают открываться в ведущих университетах мира, уверенно растет количество научных сообществ, исследующих социокультурные формы научного и технического знания. Чем это

объяснить? Коллективным упоминанием или все же насущной социальной потребностью?

Однако аргумент «от реальности» в данном случае выглядит слишком прямолинейно и возвращает нас к «методу проб и ошибок» и войне умов до победного конца. К тому же на этот аргумент можно возразить в духе фальсификационизма, что универсальная рациональность на более длительном пробеге теорий непременно отфильтрует заблуждение (социальную эпистемологию) от знания (классической эпистемологии). Правда, такое возражение вызывает еще больше вопросов, потому что в духе того же фальсификационизма требует признать за заблуждением статус истинного знания в возможности. Но другая проблема более существенна. Социальная эпистемология в принципе не может защитить себя теми же средствами, что и классическая эпистемология.

Нетрудно заметить, что в оценке социальной эпистемологии ее критики исходят из идеала научности, который сложился в классическом естествознании. Руководствуясь именно этим идеалом, они желают «допросить» новую дисциплину на предмет ее эмпирического и аналитического содержания, тогда как научная дисциплина с точки зрения допрашиваемой дисциплины (и с моей точки зрения) не может быть сведена ни к своему объекту, данному нам в ощущениях, ни к дедукции одних положений из других. Поэтому в ответ на требование «говорить правду» социальная эпистемология с готовностью достойного члена академического сообщества говорит *свою* правду, призывая уделить должное внимание «контексту открытия», а не только «контексту обоснования». Иными словами, она предлагает оценить преимущество одной из соперничающих теорий, исходя из множества (увы!) нестабильных (увы!) факторов, и не ограничиваться абстрактным рассмотрением теорий в отрыве от конкретных *изменяющихся* условий. Она показывает, что так называемые *объективные* критерии сравнения теорий имеют исторические корни и основаны на зауженной трактовке когнитивного, которое в определенный период времени было сведено к универсальным формально-логическим процедурам.

Конечно, утверждая это, социальная эпистемология не может не подвергать риску свою собственную концепцию, в этом-то и состоит парадоксальность ее саморефлексии, ее вердикта по поводу собственного места на карте дисциплин. Но такова цена, которую приходится платить за расширение когнитивного — оно (расширение) одновременно ограничивает претензии тех, кто желает узурпировать знание, какие бы рациональные перспективы при этом ими ни постулировались.

В этой связи понятие риска становится ключевым. Означает ли такой риск угрозу уничтожения рациональности, угрозу того,

что наука и теория познания исчезнут в хаосе несоизмеримости и бессмысленности? В 80-е годы XX в. немецкий социолог У. Бек ввел термин «общество риска» для описания сложного взаимодействия общества и науки¹⁸. С тех пор термин приобрел большую популярность, а идеи У. Бека получили дальнейшее развитие. В противоположность «социальному порядку» сущностной характеристикой «общества риска» является неполная предсказуемость, поскольку «порядок» в нем не задан, но возникает в ответ на «риски», поворотные точки, вызывающие новые конфигурации общественных сил. Причем «риски» поставляются самим отчужденным от общества продуктом — наукой и технологическими инновациями. Новая онтология природы оборачивается новой онтологией самого общества, которое осознает свою несамодостаточность и больше не принимает на веру роль универсального законодателя. В обществе риска дедуктивное знание дополняется «практической мудростью», т.е., как пишут И. Пригожин и И. Стенгерс, «искусством делать надлежащий выбор относительно неопределенного будущего»¹⁹. Очевидно, что в свете новой онтологии ситуации риска несут скорее конструктивные, чем деструктивные последствия. Риск всегда предполагает пространство диалога, а диалог, в свою очередь, представляет собой открытую возможность, т.е. является условием возникновения подлинной новизны в мире и познании.

Поэтому я бы не стала торопиться называть противостояние эпистемологий несоизмеримостью и, соответственно, не стала бы давать рискам, которым подвергается когнитивное, оно же рациональное, негативную оценку. По-моему, налицо диалог двух «типов» эпистемологии, а отличительной чертой диалога следует считать то, что в нем понимание не тождественно единомыслию, в силу чего ход диалога не прерывается, хотя никогда и не бывает полностью предсказуем.

Социальные эпистемологи, как ставят им в укор их оппоненты, все еще размышляют над тем, чем же должна заниматься социальная эпистемология, и каков ее предмет. Но это ни в коем случае не является недостатком дисциплины, а, напротив, ее несомненным достоинством. Сродни ему и то, что — еще один упрек оппонентов — все работы социальных эпистемологов подвергаются критике (как если бы работы классических эпистемологов были свободны от критики!). Именно ситуации противопоставления концепций (и даже намеренного «сгущения красок») создают напряжение, необходимое для роста знания, и с учетом этого обстоятельства следует признать, что полемика по поводу социальной эпистемологии имеет большое эвристическое значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Касавин И.Т.* Контекстуализм // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. — М., 2010. — С. 15 — 35.
- ² Там же. — С. 17.
- ³ См., например: *У.О. Куайн.* Две догмы эмпиризма // *У.О. Куайн.* Слово и объект. — М., 2000. — С. 366 — 367.
- ⁴ В XX в. обратная зависимость эпистемологии от онтологии признается многими исследователями. Например, Дж. Серл пишет: «...эпистемология изучения ментального не более определяет ее онтологию, чем эпистемология любой другой дисциплины определяет ее онтологию. Наоборот, при изучении сознания, как и в других случаях, цель эпистемологии заключается в том, чтобы понять уже существующую онтологию» (*Серл Дж.* Открывая сознание заново. — М., 2002. — С. 42).
- ⁵ *Whitehead A.N.* Process and reality. — N. Y., 1985. — P. 309; *Whitehead A.N.* Adventures of Ideas. — N. Y., 1967. — P. 157 — 158.
- ⁶ Недаром один из основателей программы социальных исследований науки (SSK) Д. Блур в качестве методологического принципа выдвигает принцип рефлексивности, согласно которому социология знания должна быть применима к себе самой так же, как и к другим системам знания (см.: *Barnes B., Bloor D.* Relativism, rationalism and the sociology of knowledge // *Hollins M. & Lukes S.* (eds.) Rationality and relativism. — Cambridge, 1982. — P. 21 — 47).
- ⁷ О социальной эпистемологии см. обобщающий сборник статей: Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. — М., 2010; а также: *Fuller S.* Social Epistemology. — Bloomington, 1988.
- ⁸ *Касавин И.Т.* Социальная эпистемология: к истории и постановке проблемы // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. — М., 2010. — С. 5.
- ⁹ Там же. — С. 35.
- ¹⁰ *Холтон Дж.* Тематический анализ науки. — М., 1981. О Дж. Холтоне см.: Принципы историографии естествознания. — М., 1993. — С. 309 — 314.
- ¹¹ *Поппер К.* Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1. — С. 118 — 138.
- ¹² Вот что пишет В.С. Библер по поводу этой статьи Поппера: «В свете изначального сопряжения (диалога) Умов особое значение имеют собственные идеи Карла Поппера, далеко выходящие за рамки анализируемой статьи. Это — и тончайшая “критика историцизма”, и идеи “третьего мира”, и стратегия логической “фальсификации”, и многое другое, конечно, никак не подвластное “методу проб и ошибок”. В этих прозрениях Поппер действительно философ» (*Библер В.С.* Что есть философия? Очередное возвращение к исходному вопросу // Вопросы философии. 1995. № 1. — С. 159 — 183).
- ¹³ Материалы дискуссии опубликованы в журнале «Эпистемология & философия науки» (2010. № 2. Т. 24. С. 44 — 77).
- ¹⁴ Относительно зарубежной критики социологии научного знания в общем и социальной эпистемологии в частности см., например: *Brikmont J. and Sokal A.* Science and Sociology of science: beyond war and peace // The one culture? A conversation about science. — Chicago:

Univ. of Chicago Press, 2001. Авторы статьи пишут: «Когда эксперты противоречат друг другу, любой индивид или группа индивидов оказываются в сложной ситуации... это, действительно, интересный и трудный вопрос. Но ни эпистемологический, ни методологический релятивизм здесь не помогут. Мы хотим понять, кто прав и кто неправ, а это, в конечном счете, зависит от того, как мир на самом деле устроен» (Р. 44).

- ¹⁵ «В рамках тезиса о социокультурной детерминированности научного знания предполагается, что социальные факторы не просто являются условиями и предпосылками познавательного процесса, не просто влияют (влияют, не оказывая влияния? – О.С.) на характер предмета познания, на используемые методы и средства познавательной деятельности, но играют роль *механизмов* развития научного знания, его «*движущих сил*», определяющих саму логику этого развития» (Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. Отечественная философия науки: предварительные итоги. – М., 1997. – С. 316).
- ¹⁶ Мамчур Е.А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания. – М., 1987. – С. 40 – 44.
- ¹⁷ «Science Studies» – собирательное название для постпозитивистских программ, которые сегодня широко представлены в зарубежных университетах и академических институтах – «Science and Technology Studies», «Social Studies of Science», «Sociology of Scientific Knowledge», «History of Philosophy of Science», «Cultural Studies of Science», «Science, Technology and Society» и многие др.
- ¹⁸ См.: Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. – М., 2000.
- ¹⁹ Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. – М., 2001. – С. 221.

Аннотация

В статье исследуется противостояние классической и неклассической эпистемологий. Первая принимает за образец рациональности классическое естествознание с его стремлением к построению необходимой формально-логической конструкции из чувственных данных, тогда как вторая оперирует расширенным понятием когнитивного (рационального), допуская смыслопорождающее воздействие социальных (случайных) факторов на научную теорию. Автор считает утверждение о несоизмеримости двух эпистемологий поспешным.

Ключевые слова:

эпистемология, философия науки, социология науки, постпозитивизм, рациональность.

Summary

This article is dedicated to a confrontation between classical and nonclassical epistemologies. The first one takes classical natural science as a model of rationality and so considers scientific knowledge to be a necessary formal construction of logic and mathematics on basis of sensory data. The second one deals with the wider notion of the cognitive (the rational) and admits that social (accidental) factors give sense to scientific theories. The author considers that the assertion of incommensurability of two epistemologies is hasty.

Keywords:

epistemology, philosophy of science, sociology of science, postpositivism, rationality.